

О НАУЧНОЙ ИДЕОЛОГИИ ИЛИ НА ПУТИ К НОВОМУ РУССКОМУ КОНСЕРВАТИЗМУ

Цветков Г.С.

*Цветков Георгий Семёнович - доктор философии, руководитель,
Центр социальных исследований и юридических услуг
(SPC) "Pardaugava", г. Рига, Латвия*

Аннотация: в статье рассматривается ситуация, подобной которой не было никогда. Перед человечеством во весь рост встала задача поиска выхода из кризисов, как социальных - углубление социального неравенства, рост агрессии во всём мире, миграция больших масс населения и распад традиционных семейных отношений, так и природных – изменение климата Земли и здоровья людей, рост числа аномальных явлений, увеличение сейсмической активности Земли и др. Вместе с тем, идеи равенства и социальной справедливости не исчезли ни в Латвии, ни в России, ни где-либо ещё. Вместо формирования демократического гражданского общества и осуществления глобальных проектов, например, по сохранению климата Земли и здоровья людей, правящие элиты подминают под свои преимущественно неолиберальные или авторитарные «гуманистические» ценности экономическую и социальную жизнь людей, хватаясь при этом за псевдонаучные изыскания и дискредитируя историю как науку. Политкорректность и толерантность как уважение к чужой позиции, в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога, остаются пока недостижимыми, как для западноевропейских, так и для восточноевропейских стран.

Ключевые слова: всемирная история общества, научная идеология, учение марксизма, национал-социализм, либерализм, кризис идентичности и «этнические химеры», социальные и природные кризисы, системный анализ истории и русский космизм.

Уважаемый читатель! Начну с того, что я как специалист философских вопросов естествознания - логики и методологии современной науки, являюсь убеждённым сторонником, прежде всего, самой методологии марксизма и считаю марксизм наукой, подверженной тем или иным коллизиям, но не догмой и не религией [2]. В научном мире считается естественным и закономерным подвергать критике своих предшественников, без лишних эмоций сознавая, что новое поколение учёных может пересмотреть выводы или даже сами принципы, считающиеся в данный момент бесспорными. Разве теория относительности и квантовая физика не являются основательной ревизией принципов классической механики и всей физики XVII - XIX веков?

Основоположники марксизма, создавая своё учение, как раз и подвергли беспощадной научной критике многочисленные теории своих предшественников. Остриё их критики было направлено против догматических представлений о вечности частной собственности на средства производства, вечности и, так сказать, естественности социального неравенства, классового строя общества, существования малоимущего и неимущего населения.

Мы не стремимся догматически предвосхитить будущее – утверждал Карл Маркс – а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир. Проанализировав всё лучшее, что было создано к тому времени в Европе классической философией, политэкономией и утопическим социализмом, К.Маркс сформулировал в 1845 году в «Тезисах о Фейербахе», что *«философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»*.

По Марксу, люди сами творят свою историю, являясь одновременно и актёрами (*объектами*) и авторами (*субъектами*) всемирно-исторической драмы, творя историю в революционной практической деятельности на основе существующих объективных условий в системе общественных производственных отношений. Развитие человеческой культуры К.Маркс представлял как процесс *«опредмечивания»* и *«распредмечивания»* человеческих сил и способностей. Когда человек создаёт новую форму или предмет культуры, он *«опредмечивает»* себя в ней, напротив, когда усваивает, открывает для себя нечто из «копилки» человеческого опыта, то *«распредмечивает»* чьи-то способности и результаты чьей-то деятельности.

Предметы культуры и воплощенные в них смыслы (*включая орудия, инструменты, приборы, произведения архитектуры, художественные, научные, философские и иные, даже религиозные тексты*) существуют объективно, но в то же время предполагают субъектов с их субъективным миром. Во-1-х, ведь именно субъекты создают предметы культуры и их смыслы. Во-2-х, объективные смыслы, в т.ч., и те смыслы, которые пока никем не осознаются, могут существовать лишь постольку, поскольку имеются субъекты, способные их выявить, сделать собственным достоянием. И, в-3-х, если таких субъектов по каким-то причинам не имеется (*погибли, забыли язык, на котором написаны тексты и т.д.*), объективность предметов культуры превращается в объективность физических вещей, а их объективные смыслы утрачиваются [1, 2].

Вместе с тем в развитии человека в условиях капитализма Марксом была вскрыта проблема и сформулирована концепция, так называемого, социального отчуждения, когда *«собственное деяние человека становится для него чуждой противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того, чтобы он*

господствовал над нею». Согласно Марксу человек для преодоления «отчуждения» должен «присвоить» себе весь социальный мир, превратиться в деятельного, «целостного», «универсального» индивида.

Минувший XX век принёс миру как новые формы социального освобождения и раскрепощения человека, так и новые, даже извращённые формы социального отчуждения человека и, особенно, в сфере «обработки людей людьми». Если Маркс в рамках своего гуманистического проекта говорил о возможности и необходимости снятия отчуждения на пути социалистического преобразования, то в СССР была создана целая система отчуждения от человека репрессивной государственной машины [1, 2]. Хотя в соответствии с учением Маркса человек является высшей целью развития общества и должен быть освобожден от всяких форм отчуждения, путь к этому освобождению лежит через насилие, через подавление и уничтожение целых классов, через диктатуру [1, 2].

Основные концепции 20-го века. В 19-20-м веках в Германии, России, Англии и США были инициированы три грандиозные концепции, призванные объяснить прошлое и предсказать, или даже обеспечить, будущее всего мира. Это либеральная, коммунистическая и национал-фашистская концепции [3]. Причём, по мнению известной антифашистки и писательницы Марион Дёнхофф, последние две были существенно извращены: Адольф Гитлер довёл до абсурда консервативные ценности правых, а Иосиф Сталин – коммунистическую идеологию левых с его (*советской – ред.*) «брутализацией» социализма [4].

Нацизм и близкий к нему фашизм виделись Гитлеру как некое начало, возрождающее романо-германский - истинно европейский боевой дух, уже почти утерянный под воздействием финансового капитализма [5]. Они, как форма общественного устройства и идеология, казалось, давали надежду на преодоление классовых противоречий и объединение Европы на основе традиционных консервативных ценностей, осмысленных в каждой стране как исконно национальные. Они объясняли мировую историю в терминах борьбы между государствами, предполагая, что миром будет править одна расово исключительная (арийская) этническая группа людей, силой подчинившая себе остальных. По словам Адольфа Гитлера в «Майн Кампф», «марксистская социал-демократия натравливает социально деклассированные слои общества на собственных сограждан, что... ослабляет нацию...», а сам марксизм, претендовавший на мировое господство, по мнению Адольфа Гитлера, не «пангерманский», а «еврейский проект» [2, 5].

Сейчас уже нередко забывается, что сам Запад не считал нацизм (или точнее, национал - социализм) преступной идеологией вплоть до конца 2-й мировой войны и осуждения нацизма Трибуналом. Наоборот, в ней – идеологии, видели яркое отражение западных ценностей и надеялись как на спасение от коммунизма. И действительно, коммунизм смотрел на мировую историю как на непримиримую борьбу классов, представляя будущий мир в виде единой (централизованной – *ред.*) социальной системы с исключительным классом неимущих (или малоимущих) людей, в рамках которой всем гарантированы равенство и справедливость. Коренное различие между нацизмом и коммунизмом было как раз в расизме и ксенофобии – нацизм держался на крайней форме этнической гордыни и нетерпимости, коммунизм же провозглашал равенство и справедливость всем народам, правда, ценой свободы. Если Маркс в рамках своего гуманистического проекта говорил о возможности и необходимости снятия «социального отчуждения» человека на пути социалистического преобразования, то путь к этому освобождению якобы лежит только через насилие, через подавление целых классов, через диктатуру [2]. В свою очередь, либерализм тоже видел в мировой истории борьбу, но только между свободой и тиранией, рисуя будущее как сотрудничество членов социума при минимальном контроле со стороны центральной власти, достигаемое ценой, так сказать, некоторого неравенства [3, с. 19]. Согласно принципам либеральной концепции, человечество тысячелетиями жило под властью деспотических режимов, которые лишали граждан политических прав, экономических возможностей и личных свобод.

Конфликт этих трёх идеологий достиг пика во время 2-й Мировой войны, в результате которой нацистский фашистский проект Гитлера потерпел крах и был осуждён Трибуналом. Победители в Нюрнберге и, прежде всего СССР, диктовали условия будущего мира и заставили мировое сообщество осудить нацизм и отказаться от того, что ещё недавно казалось выражением европейских ценностей. И нет ничего удивительного в том, что для многих национал-социализм так долго не воспринимался как что-то недопустимое, не исключая даже рецидивы.

С конца 1940-х годов с появлением ядерного оружия и до конца 1980-х годов мир представлял собой поле битвы «холодной войны» со своими «сдержками и противовесами» оставшихся проектов: коммунистического и либерального. Несколько десятилетий после Нюрнберга западные народы пытались обрести новый политический образ на основе части своей культуры, актуализированной европейской либеральной и социалистической мыслью. И они смогли это сделать, смогли «обновить» западную идеологию и вновь почувствовать себя вершиной человеческого прогресса. Либерализм стал восприниматься как альтернатива тоталитаризму, как выстраданный ответ человечества на исторические вызовы, брошенные «нацизмом», с одной стороны, и «реальным коммунизмом», с другой. Недопущение тоталитарной власти, претендующей на абсолютный контроль не только за действиями, но и за взглядами и мыслями человека. Культ защиты меньшинств от незаконного и жестокого *произвола* агрессивного большинства, от любых правовых и практических ограничений по национальному, социальному, имущественному, половому или иным

признакам. Индивидуальные свободы и, прежде всего, *свобода слова и самовыражения*, недопустимость контроля над личностью, культ права вообще и презумпции невиновности в частности – таковы сегодня прокламируемые принципы либеральной демократии.

Восточноевропейские народы, включая Латвию, после «Нюрнберга», в отличие от западных народов, прошли исторически другой путь. При жёсткой авторитарной советской системе, эмигрировавшей на Запад нацистской коллаборационистской части и, тем более, прошедшей лагеря и ссылки оставшейся части, по сути, не коснулась денацификация и чувство «исторической вины» после Нюрнберга, и они после развала СССР ощутили «наркотический вкус» национального возрождения и политического рванша [7, с.77]. Конец «холодной» войны, перестройка с её реабилитациями и разоблачениями, распад СССР, «война исторической памяти», которая развернулась на постсоветском пространстве между национальными государствами - всё это породило масштабное переписывание истории, «срывание масок», «закрытие белых пятен» и т.д. Всё это породило и серьёзный кризис в поиске новой идентичности в постсоветских восточноевропейских странах, когда люди затрудняются с ответами на вопрос «кто мы, зачем мы, и каково наше место в мире?», хватаясь в поиске идентичности за вроде очевидные, но чаще ложные ответы, непременно отвергая аналогичные, тоже не лучшие изыскания соседей. «Мы не стали ярко выраженными демократами, и против мыслящих иначе мы часто думаем даже хуже, чем в Советском Союзе. Это не та демократия, когда мы признаём права других, уважаем думающих иначе и так далее...» - признаёт латвийский политолог Кристиан Розенвалдс [6]. Более того, если мы, например, спросим, к кому россияне относятся хуже – к ветеранам "ОУН-УПА" в Украине и их балтийским «коллегам» Ваффен СС, или к бывшим солдатам Вермахта – к немцам нет ненависти, потому что Германия эту страницу своей истории не прославляет, а напротив, считает её позорной и стремится доказать, что такое никогда не повторится вновь [7, 24].

Кризис либерализма и глобализации. После краха советского коммунистического проекта главным путеводителем по прошлому человечества и «инструкцией» к будущему устройству мира стал либеральный сценарий. Согласно принципам либерального проекта, люди борются за свободу, и постепенно, шаг за шагом, свобода отвоёвывает себе место под солнцем. Диктаторские режимы сменяются либеральными демократиями. Свободное предпринимательство преодолевает экономические ограничения. «На смену стенам, рвам и ограждениям из колючей проволоки пришли широкие дороги, прочные мосты и оживлённые аэропорты» [3, с. 20].

Однако после мирового финансового кризиса 2008 года жители разных стран испытали разочарование и в либеральной идеологии. В моду снова вошли «стены и барьеры». Растёт сопротивление иммиграции и торговым соглашениям. Правительства, которые считались демократическими, подрывают судебную систему, ограничивают свободу прессы и называют любую оппозицию популистами или предателями. Либерализм поражён, можно даже сказать, «раковой опухолью» политкорректности [8, с. 2]. Авторитарные лидеры экспериментируют с новыми типами нелиберальных демократий или даже откровенных диктатур. Сегодня лишь немногие смогут заявить, что Коммунистическая партия Китая прозябает на обочине истории [3, с. 21].

В 2016 году, отмеченном голосованием по «Брекзиту» и избранием президентом США Дональда Трампа, волна разочарования достигла «столпов» либерализма – стран Западной Европы и Северной Америки. Если несколькими годами ранее американцы и европейцы ещё пытались, мягко говоря, под «прицелом оружия» внедрить либеральные принципы в Ираке и Ливии, то сегодня многие жители Кентукки и Йоркшира считают либеральные идеи вредными и неосуществимыми [3, с. 22]. Некоторые из них вдруг вспомнили, что им по душе старый консервативный мир, и они не желают отказываться от своих расовых, национальных или гендерных привилегий.

По мнению президента России Владимира Путина, высказанному в интервью британской прессе, доминирующая сегодня либеральная идеология устарела. Президент считает, что либерализм скомпрометирован, правлящие элиты оторвались от почвы и утратили корневую связь с народом, что и вызвало рост антиистеблишментных настроений в мире [8]. В 1938 году человечество могло выбирать из трёх глобальных проектов, в 1968-м – из двух, в 1998-м, казалось, восторжествовал один, а вот к 2018-му году мы остались ни с чем. Подобно советской элите - номенклатуре конца 1980-х годов, либералы не понимают, почему история отклонилась от предначертанного курса, и у них нет альтернативной теории для объяснения реальности [3, с. 22]. Изменения, происходящие в современном мире, трудно понять и потому, что либерализм никогда не был единым целым. Либерализм ратует за свободу, но понимание свободы зависит от "контекста". Так, для одного человека либерализм – это свободные выборы и демократия. Другой убеждён, что либерализм – это торговые соглашения и глобализация. Третий связывает либерализм с признанием однополых браков и разрешением абортов. Либерализм предлагает разные модели поведения в политической, экономической и частной жизни – как на уровне отдельных государств, так и в международных отношениях.

Исторические аспекты идеологии. Когда в 16-м веке Реформация разрушила идеологическое единство Западной Европы и подорвала гегемонию Габсбургской династии, всемирно-историческая концепция «империй» того времени была переформулирована как концепция «цивилизаций», под которой понималась культура опять-таки Западной романо-германской Европы, причём православные «схизматики» были просто переименованы в «дикие» и «отсталые» народы (естественно, без права ни общей, ни отдельной

«цивилизации»). Согласно Арнольду Тойнби и его концепции возникновения, роста и распада «цивилизаций», единицами всеобщей истории стали считаться «общества», делящиеся на «примитивные» неразвивающиеся и «цивилизации» [12]. Однако основное направление исторического процесса оппонент А.Тойнби академик СССР Николай Конрад видел в укрупнении народов и расширении «ареала» их культуры, одновременно признавая «полицентричность» генезиса мировой цивилизации и наличие локальных самобытных черт в развитии народов. «Нечего и говорить - писал уроженец Риги академик Н. Конрад - что наше понимание прошлого зависит от объёма и уровня наших знаний. Но то и другое всегда относительно, всегда исторично. Что можем мы сейчас... сказать о нашем знании прошлой истории человечества? Только то, что оно очень велико, гораздо больше того, что люди знали ... во второй половине 19-го века» во время К.Маркса и Ф.Энгельса [13].

Вступив в новое тысячелетие, человечество обнаружило себя в ситуации, подобной которой не было никогда. Перед человечеством во весь рост встала задача поиска выхода из кризисов, как социальных - углубление социального неравенства, рост агрессии во всём мире, миграция больших масс населения и распад традиционных семейных отношений, так и природных - изменение климата Земли и здоровья людей, рост числа аномальных явлений, увеличение сейсмической активности Земли и др. [30-31]. Для их решения мыслителями разных направлений и стран предлагаются разные пути.

Как российский пример, системность и историзм мышления позволили философу - естественнику Владимиру Ивановичу Вернадскому развить уже

существовавшую в России систему, так называемого, «русского космизма» или естественнонаучного антропокосмизма, перейдя от «геохимии» к «биосфере» и далее к «ноосфере» Земли и «ноосферному мировоззрению» [14]. Его творческий путь от кристаллографии, биохимии и геобиохимии к разработке в 20-х годах прошлого века концепции «биосферы», а затем и «ноосферы» в философско-методологическом плане был связан с прорывом его мышления к исторически-динамическому, планетарно-целостному охвату природы в их «универсальной космопланетарной взаимосвязи и взаимоопосредовании» [20]. Действительно, выдающийся русский учёный впервые в истории естественных наук на глобальном космопланетарном уровне осуществил синтез геологических, биологических и социокультурных (гуманитарных) знаний в единую науку о «геобионоосфере» [20, с. 47].

Ноосферное мировоззрение и само учение Вернадского о ноосфере как сфере разума, возникшей на определённой стадии эволюции биосферы, в качестве главной своей аксиомы признают особую роль человека во Вселенной как существа, обладающего разумом и волей, жизнь которого имеет смысл и предназначение, а не является пустой игрой стихийных сил природы [14, 21].

Естественнонаучное (или естественноисторическое) мировоззрение возникает на основе научного и технического знания и обладает систематичностью, внутренней организованностью, чёткостью конкретных выводов и оценок практических ситуаций, а непосредственной базой этого мировоззрения служит конкретная научно-исследовательская деятельность и производственно - техническая практика. Наиболее крупными представителями этого, так называемого, «наивного» реализма или «стихийного» материализма были И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев, И.И. Мечников, Д.И. Менделеев, А.Г. Столетов, Н.А. Умов и др. [20, с. 33].

Потребность в новых мировоззренческих и теоретико-познавательных принципах была так отражена, например, в работах Д.И.Менделеева [15]. «По моему разумению, - писал Д.И. Менделеев, - грань наук, донныне едва достигнутая, и, во всей видимости, ещё не надолго долженствующая служить гранью, за которой начинается уже не научная область, всегда долженствующая соприкасаться с реальностью..., эта грань сводится... к принятию исходной троицы..., сочетающихся, вечных (насколько это нам доступно узнавать в реальности) и всё определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа (или психоза) [15].

Утверждается, что во всём реальном мире надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково немислимы в реальных проявлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без силы и материи».

«Вещество, силу и дух мы бессильны понимать в их существовании, в раздельности» [15]. Но каким образом формируется всеобщность и цельность этого познания? На чём базируется связь природы и жизни?

На эти вопросы пытался дать ответ Н.А. Умов в своих работах «Эволюция мировоззрения в связи с учением Дарвина», а также «Физико-механическая модель живой материи» и др. [16, 17]. Н.А. Умов развивал идеи «модельного» мышления. «Всё наше мировоззрение, от своего объединённого до наиболее возвышенного содержания, представляет собой собрание моделей...». На всех уровнях науки происходит «составление, или умственное построение, моделей существующего и совершающегося» [16, 17].

Однако одним из первых в мировой философии достаточно чётко поставил вопрос о формировании единства научного знания в процессе космизации науки основоположник теоретической космонавтики К.Э. Циолковский, полагая, что все проблемы научного познания нужно рассматривать с космической точки зрения, как в плане влияния космоса на человечество, так и, наоборот, влияния человеческого общества на космическую природу.

К.Э. Циолковский имел огромный (может быть, даже более разносторонний, чем у кого-либо) опыт обращения с большими системами. Его труды в области освоения космоса, авиации и аэродинамики,

термодинамики, биомеханики, социологии, прогнозирования и др. показывают, что он подходил к сверхсложным объектам как исследователь, творчески освоивший методологию изучения этих сложных объектов - космической ракеты, замкнутого экологического цикла, космического пространства и др. [18].

Космическая мощь научного знания обусловлена, по Циолковскому, тем, что знание всегда сопряжено с человеческой волей, с активной деятельностью человека. Мысль о единстве разума и воли постоянно komponуется у Циолковского с идеей о влиянии общественных разумных существ на космос, о космическом характере и масштабах их воздействия на окружающий мир. В технической мощи общественных разумных существ, в практическом овладении ими космической природой видит учёный онтологический статус единства научного знания.

В собственно философском обосновании проблем русского космизма особое место и выдающееся значение принадлежит П.А.Флоренскому, расстрелянному в 1937 г., занимавшемуся как естественнонаучными, так и гуманитарными исследованиями - всемирная история и история культуры, филология, лингвистика и др. Ему принадлежат труды по истории христианства, религиозного искусства, богословские сочинения, исследования по философии культуры и, одновременно, работы по проблемам методологии науки и оснований математики, а также изыскания по электротехнике и физике полупроводников [20].

В своём письме Вернадскому в 1929 г. Флоренский высказал мысль «о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере, того, что можно было бы назвать «пневматосферой» («ноосферой» - *ред.*), т.е. о существовании особой части вещества, вовлечённой в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа» [20, с. 40]. Рассмотрение мира как целого, как единой Вселенной приводит Флоренского к мысли о необходимости формирования «биосферического опыта» научного изучения неразрывной взаимосвязи природы, общества, человека, культуры и «пневматосферического («ноосферного» - *ред.*) опыта» как философского познания единства пространства, времени, материи и духа. «Присматривающемуся к ходу развития промышленности не может не быть очевидным, что промышленность будущего, и может быть близкого будущего, станет биопромышленностью, что за электротехникой, почти сменившей паротехнику, идёт биотехника и что, в соответствии с этим, химия и физика будут перестроены как биохимия и биофизика» [21, с. 198, 20, с. 40].

Философия положительного всеединства знания, наряду с пониманием соотношения научного и ненаучного в плане философского и религиозного осмысления мира, как основные аспекты идеи русского космизма выдающегося представителя Владимира Соловьёва, не были разработаны в виде завершённой философской системы, а скорее в виде особого направления мысли. Он стоит у истоков «нового религиозного сознания» начала 20 в.: богоискательства и религиозной философии Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Трубецких, П.А. Флоренского, С.Л. Франка и др. В частности, практика психоанализа и исследования психоневрозов на Западе [9,10] вполне убедительно показали, что «психический фактор» или «душа» являются существенной причиной этих заболеваний наряду с уже такими признанными сегодня причинами как «наследственность», «конституция», «геофизические процессы», «бактериальная инфекция» и т.д. Больной, и не только он, ищет то, что способно захватить его и придать осмысленный вид хаотичному беспорядку, установившемуся в его невротической душе [9,10].

Известно также много неудач терапевтического воздействия на организм и что эффективными часто оказываются как раз «психические средства», выполняющие роль «экстрактов желез». Например, приемлемое объяснение или слова утешения могут оказывать оздоровительное воздействие, в том числе, и на деятельность самих желез. Хотя слова, произносимые врачом или священником, являются не более чем «сотрясанием воздуха», однако, в силу определённого «авторитетного» положения врача или священника по отношению к психике пациента, они приобретают для него особую важность.

Слова оказываются действенными настолько, насколько они сообщают некоторый высший «духовный» смысл или значение. В этом и заключается их воздействие, что, конечно, противоречит медицинской «присяге» принципам каузальности и материализма. Любой, кто пытается в психологии мыслить честно, признавая при этом конфликт религии и науки, вынужден также признавать недоказуемость и недоказуемость всех метафизических позиций, равно как и всех вероисповеданий. Философские утверждения есть продукт определённой личности, живущей или жившей в определённое время в определённом месте, а не результат чисто логического безличного процесса, и в этом смысле они субъективны. Обладают ли они объективной общезначимостью, зависит от того, много или мало людей мыслят сходным образом [9,10]. Западная психология понимает под «умом» умственную функцию психики и присущую индивиду «разумность», хотя в области философии Запада ещё можно встретиться с безличным Всеобщим или Высшим Разумом, где он является, по мнению Юнга, реликтом изначальной человеческой души.

Нашему взору открывается нечто подобное, когда мы сопоставляем наш западный склад ума с восточным образом мысли. На Востоке ум – это космический принцип, сущность бытия вообще, тогда как на Западе ум образует неперемное условие познания, а потому и мира как представления. На Востоке не существует конфликта между религией и наукой, ибо наука там не зиждется на пристрастии к фактам, а религия - на одной только вере. Востоку свойственно религиозное познание и познающая религия [9,10].

Христианский Запад считает человека полностью зависимым от милости божьей или, по крайней мере, от церкви как единственного санкционированного Богом земного средства спасения. Когда религия теряет свою

актуальную власть, тогда возраст и люди должны находить другие формы общего благоговения перед жизнью, которые бы извлекали витальность из расчленённой картины мира [10]. Напротив, Восток упорно настаивает на том, что человек сам есть единственная причина своего совершенствования и спасения, ибо Восток верит в самосовершенствование и самоспасение. Критическая или позитивная философия, мать современной психологии, по выражению Карла Юнга, осталась для Востока столь же чуждой, как и для средневековой Европы.

«Этногенез» и «химеры» Льва Гумилёва. Наш современник и выдающийся специалист в области истории и географии Лев Николаевич Гумилёв предложил свою специфически системную теорию исторического процесса, которая объясняет многие эпизоды в истории народов Земли [11]. Согласно Гумилёву, главными в истории народов являются процессы, которые как бы объединяют биологические и социальные явления. Каждый народ может быть рассмотрен в качестве такого объекта как «этнос», то есть, как «сплав» общих генетических особенностей, передаваемых по наследству, и определенной культуры, наследуемой, так сказать, социально, которая биологически по наследству не передается, но усваивается новыми поколениями через традиции, предания, другие, в том числе, церковные, способы усвоения и обучение [11]. Книга Льва Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» была отвергнута советской официальной наукой, хотя хорошо объясняет многие эпизоды в истории народов (этносов) Земли. Так, в результате "раскола" в русском этническом поле при возникшей 4 века назад украинской греко-католической церкви получилось то, что Лев Гумилёв называет «этнической химерой» (по аналогии с химерами в зоологии). «Это не просто соседство и не симбиоз, а химера, т.е. *сочетание в одной целостности двух разных несовместимых систем*» [11, с. 380].

Российские уроки для 21-го века. Государственное устройство России не должно повторять негативный советский опыт – становиться заложником одной правящей партии и «пролетарского» национально-территориального деления страны. Советская марксистско-ленинская "национальная политика" была сформирована В.И.Лениным и Л.Д.Троцким в 20-х годах прошлого века, причём аналогия с нынешним временем у сегодняшнего либерализма просто поражает. "Космополитизм" и "глобализация" именовались тогда "пролетарским интернационализмом" и "мировой революцией" и были официальными идеологическими нормами, не подлежащими ни критике, ни даже сомнению. Тотальное господство партийной номенклатуры и ленинской «революционной» фразеологии Н.С.Хрущёва и Л.И.Брежнева после «государственника» И.В.Сталина, формализм в идейно - теоретической подготовке коммунистов и отрицание «ревизии» как общепринятой научной процедуры неизбежно превращали марксистско-ленинскую теорию в догматизированную систему воззрений, оторванную от реальностей, как жизни, так и науки [2, 28].

Прорыв всей этой громоздкой и угрюмой плотины, сковывавшей естественное течение общественной и духовной жизни страны, произошёл в апреле 1985 года. Однако декларируемый новый нравственный статус социализма обернулся не только политической смертью для авторитарной идеологической системы, порождением которой были, например, М.А. Сулов в СССР или у нас в Латвии А.П.Рубикс, но и гибелью самого СССР [2]. В результате этого осталась доминирующая в мире англо - саксонская либеральная идеология глобальной рыночной экономики с претензией на исключительность или даже единственность [2, с. 35].

Однако сегодня нынешняя «неолиберальная» система уже явно не справляется с ситуацией в мире. Пределы глобализации достигнуты, международные институты и глобальная финансовая система не обеспечивают стабильного поступательного развития. В то время как либеральный Запад провозгласил новыми ценностями фактический отказ от христианства, мультикультурализм и глобализацию, Россия, как «наследница византийского принципа культурной мозаики и равноправия культур» государства "ромеев", защищающая христианство, традиционные ценности и вступившая в противостояние с агрессивным исламом, начинает выглядеть привлекательно [2, с. 36].

Если либерализм предполагает приоритет такой ценности, как *свобода*, социализм – *социальной справедливости*, то консерватизм, в отличие от либерализма и социализма, *не содержит в себе готовых ценностей*. И главная проблема российского консерватизма сегодня – это самоопределение и неоднозначность вектора его развития. Ведь в одном случае мы имеем дело с привлекательным для правящей элиты вектором консервативного либерализма (*либерализма с консервативной стилистикой*), а во втором – с привлекательным для народа консервативным социализмом, пытающимся соединить идеи традиционных ценностей, в т.ч., социальной справедливости и православия [25].

Однако речь идёт не о конкретной традиции, а о связи разных эпох и исторического, социального и религиозного опыта народа, противостоящего идее революционных «разрывов» и «словом» [25]. При этом, не сводя «русский консерватизм» к оправданию и сохранению власти сегодняшней коррумпированной чиновничье-олигархической элиты - с зависимостью судей Конституционного суда от Совфеда и Президента, с отсутствием каких-либо ограничений многомиллионных зарплат и пенсий для элиты, а также эффективной государственной защиты экологии и климата, здоровья людей и много другого при «конституционных записях» о Боге и Победе, но не об ответственности за состояние дел.

В условиях конституционного признания в России идеологического многообразия нам предстоит искать и обеспечивать «*системный баланс*» свободы, справедливости и эффективности в условиях кризиса идеологии

либерализма. Причём идеологию будущего нельзя рассматривать в отрыве от техноэкономических и биотехнических факторов, их эффективности и безопасности как "космопланетарного экологического консерватизма". И эти серьёзные вызовы времени учёным - обществоведам нельзя сводить к упрощённому анализу «марксистского наследия», совершенно справедливо предупреждая о тупиках как «неоклассического оголтелого либерализма», так и «классического ортодоксального марксизма». Задачи усиления, координации и «баланса» социальных, в т.ч. марксистских, партий требуют применения современного научно-технического «инструментария» в работе партий, их партийных организаций и профильных комитетов [29]. Определённые надежды связываются нами с Конгрессами и Международными конференциями по марксизму, с дискуссиями о «логике выбора экономического строя» и о соотношении плановых и рыночных составляющих в экономике, как Китая, так и любой другой страны [2, 26]. Умелая комбинация планового и рыночного хозяйствования, «баланс» научных идеологий «либеральной» свободы, «социалистической» социальной справедливости и консервативной экологической (биотехнической) эффективности обеспечивают успешное развитие общества: повышение духовной свободы граждан и всестороннее развитие личности, правовое равенство и социальная справедливость, природоподобная эффективность и высокие темпы экономического роста как в мире, так и для отдельных стран.

Неусвоенные уроки 19-го века. Практика социализма в СССР и ход последующих мировых событий подтвердили справедливость ряда воззрений полемизирующих с Марксом критичных умов 19-го века, наиболее выдающимися из которых были П.А. Кропоткин, М.А. Бакунин и А.И. Герцен [26 - 27]. Яблоком раздора стало то, что они ставили под сомнение основополагающие идеи Маркса о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. В одном из писем Председателю СНК Ульянову-Ленину П.А.Кропоткин писал: «Бросаться в красный террор, а тем более брать заложников... недостойно социалистической революционной партии и позорно для её руководителей (курсив - ред.)... Открыть эру красного террора – значит признать бессилие революции... Полиция не может быть устроительницей новой жизни. А между тем, она (полиция) становится теперь верховной властью в каждом городе и деревушке. Куда это ведёт Россию? К самой злостной реакции!» [26, 27].

В статье «Коммунизм» Михаил Бакунин ещё в 1843 году писал: «Это не свободное общество, не действительно живое объединение свободных людей, а невыносимое принуждение (курсив - ред.), насилием сплочённое стадо животных, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни...». «Государство, ... о котором мечтают последователи Маркса,... поручая своей бюрократии заведовать обработкой земли и выплачивать заработок крестьянам, ... привело бы к ужасной неурядице, к плачевному расхищению и к гнуснейшему деспотизму (курсив - ред.)» [26, 27]. Маркс упрекал Бакунина в «панславизме» - желании объединить все славянские народы против основных европейских государств, а Бакунин обвинял Маркса в «пангерманизме».

Тем не менее, в написанном в 1871 г. эссе «Мои отношения с Марксом» Бакунин признавал: «Маркс – человек очень большого ума и учёный в самом широком и серьёзном смысле этого слова». Категория «общественно-экономической формации» Маркса, вместе с материалистическим пониманием истории, явились главным «системным продуктом» научного анализа различных типов общества с их историзмом и целостностью охвата (хотя, конечно, вопрос особого «азиатского способа производства» остаётся классическому марксизму неясным до сих пор и не исключает пересмотра формационно-исторического подхода при выработке новой идеологии).

«Именно крушение социализма (советского - ред.) в самом его торжестве, — писал С.Л. Франк, — образует какой-то многозначительный поворотный пункт в духовной жизни человечества, ибо вместе с социализмом рушатся и его предпосылки — та гуманистическая вера в естественную доброту человека, в вечные права человека, в возможности устройства земными человеческими средствами земного рая, которая в течение последних веков владела всей европейской мыслью» [23].

Марксистский проект гуманизма нуждается в переосмыслении, поскольку тесно связан с определенным пониманием человека, условий его порабощения и освобождения. Однако это не может служить основанием для отрицания первоначальных гуманистических устремлений этой концепции, а принятие новой перспективы гуманизма связано с глубинными трансформациями современной цивилизации, с вопросом выживания или гибели самого человека. Причём, повторим ещё раз, идеологию будущего нельзя рассматривать в отрыве от природоподобных техноэкономических и биотехнических факторов, их эффективности и безопасности [30-31].

Освоение космического пространства поставило перед человечеством новую серьёзную задачу – приспособиться к жизни в среде, не имеющей аналогов на планете Земля. Крайне низкая (или высокая) интенсивность гравитационного поля негативно отражается на опорно-двигательной системе, создаёт проблемы для работы кровеносной, костно-сkeletalной и других систем. Освоение космоса требует углублённого изучения взаимосвязи человека со средой, его биологической сущности и возможностей. Важно также – исследовать, как влияет пребывание в космосе на организм в долговременной перспективе, например, при полёте на Марс, проанализировать воздействие всех факторов, а не только радиации или отсутствия гравитации. Крайне амбициозная задача, по сведениям печати, реализуется сегодня в России – создание

ядерной энергодвигательной установки. Если эта задача будет реализована, то человечеству, в принципе, откроется дорога в дальний космос при полётах к Луне и Марсу, к другим планетам и спутникам в Солнечной системе [31, с. 80].

В 1975 году усилиями академика Б.М. Кедрова и других учёных были изданы архивные материалы Вернадского «Пространство и время в живой и неживой природе» и «Научная мысль, как планетарное явление». Они заставили нас вновь вернуться к «русскому космизму» и космогонии таких учёных как Вернадский, Циолковский и Чижевский, где эволюция планеты рассматривается как эволюция единого целостного планетарного организма, имеющего вокруг планеты сферу живого космического вещества.

Однако эволюция человеческого разума, к сожалению, не движется по тем принципам, которые вытекают из обобщений, сделанных Вернадским и другими космологами. Человечество устремляется в колоссальные концентрации мегаполисов с их опасными техногенными воздействиями. Сохранение атмосферной и водной оболочек планеты Земля, а также геологических ресурсов находится под угрозой. Накапливается всё больше противоречий в процессах эволюции и становится очевидным, что классическая формула создания ноосферы в космическом пространстве, в которой человеческий разум сумеет изменить космопланетарные природные свойства биосферы в пользу сохранения жизни и эволюции человека, не подтверждается практикой [30-31].

Угроза гибели земной цивилизации сегодня будоражит умы, как на Западе, так и на Востоке. Пока ученые разных стран спорят между собой о сценариях конца света, ни одна международная организация, ни одно государство не начали системно заниматься обеспечением безопасности цивилизации как таковой. Национальная безопасность как защищённость интересов личности, общества и государства определяется как местом и ролью страны в системе международных отношений, так и внутренней социально-экономической и общественно - политической обстановкой в стране. Сегодня проблема безопасности многих стран испытывает настоятельную потребность как в поиске новых идей и решений, так и в проведении последовательных, сбалансированных системных преобразований в обществе и государстве. Глобальная безопасность может быть обеспечена только через международное право как производное от морально - нравственной базы человечества, если о таковой можно говорить.

Технические возможности нашей цивилизации, в принципе, позволяют осуществить грандиозные глобальные проекты, например, по сохранению климата Земли и здоровья людей, но этому мешает множество геополитических и идеологических противоречий между государствами. Крупнейшие страны мира стремятся к мировому доминированию, и это отвлекает правящие элиты от решения глобальных социальных и природных космопланетарных проблем.

Список литературы

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. «Эдиториал УРСС», Москва, 2001: ISBN 5-8360-0225-8.
2. Цветков Г.С. Марксизм и системные аспекты истории современного общества // Наука, образование и культура. Москва, 2019. № 2 (36) С. 29–39. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scieseproblems.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
3. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. Пер с англ. Ю. Гольдберга. Москва. «Синдбад», 2019. 416 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sindbadbooks.ru/ (дата обращения: 17.07.2020).
4. Дёнхофф Марион (*Doenhoff Marion GrafIn*). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marion-doenhoff.de/>(дата обращения: 17.07.2020).
5. Ценпфенниг Барбара (*Zehnpfennig Barbara*). Spurensuche in Hitlers Buch “Mein Kampf”: Anleitung zur Welteroberung. Passau: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.amazon.de/Hitlers-Mein-Kampf-Eine-Interpretat/> (дата обращения: 17.07.2020).
6. Розенвалд Кристиан (*Rozenvalds Kristiāns*). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://imhoclub.lv/user_abgut/1165/ (дата обращения: 17.07.2020).
7. Аболиньш В.К., Цветков Г.С. Россия Латвией шагнула в Европу? Признания социалистов // Наука, образование и культура. Москва, 2018. № 3 (27). С. 70- 80. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scieseproblems.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
8. Юрьев Дмитрий. Либерализм не имеет никакого отношения к свободе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2019/7/4/985334.html/>(дата обращения: 17.07.2020).
9. Jung C.G. Analytical Psihology: Its Theory and Practice. The Tavistock Lectures твить грандиозные глобальные проекты,арл Густав. Аналитическая психология. Тавистокские лекции.1968. 224 с.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: royallib.r/u/ (дата обращения: 17.07.2020).
10. Эриксон Эрик. Идентичность: юность и кризис. Москва, «Прогресс»,1996.620с. 11. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Соч. Т. 3. Минск, 1997. 640 с.
11. Тойнби А.Дж. Исследование истории (Возникновение, рост и распад цивилизаций). Пер. с англ. Кожурин К.Я. АСТ. Москва, 2009. 670 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.library.khpg.org/files/docs/1446489707/> (дата обращения: 17.07.2020).

12. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. О смысле истории // Альманах «Восток». № 6 (18), 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.situation.ru/apl/j_artp_450.htm/ (дата обращения: 17.07.2020).
13. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. Предисл. Р.К. Баландина. Москва. «Айрис-пресс», 2013. 576 с.
14. *Менделеев Д.И.* Мироззрение // Сочинения. Москва, 1954. Т. 24. С. 455-461.
15. *Умов Н.А.* Эволюция мироззрения в связи с учением Дарвина // Собр. соч. Москва, 1916. Т. 3. С. 210-232.
16. *Умов Н.А.* Значение опытных наук // Собр. соч. Москва, 1916. Т. 3. С. 330-360.
17. *Циолковский К.Э.* Исследование мировых пространств реактивными приборами // Собр. соч. Москва, 1954. Т. 2. С. 69-150.
18. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (из истории отечественной философской мысли). Москва, «Правда», 1990. Т.2. 447 с.
19. Восприятие науки в русском космизме. Серия: Методол. проблемы развития науки и техники. РАН, Москва, 1992. 60 с.
20. Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // «Новый мир». Москва, 1989. № 2. С. 194-203.
21. Соловьёв В.С. Избранное. Москва, «Сов. Россия», 1990. 493 с.
22. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. СПб, 1991. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libking.ru/books/religion/414016-semen-frank/> (дата обращения: 17.07.2020).
23. *Цветков Г.С.* «Самоликвидация Германии» в книге Тило Саррацина и эхо Нюрнберга // Наука, образование и культура. Москва, 2017. № 8 (23). С. 76–84. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scieseproblems.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
24. *Щишков Александр.* На пути к новому русскому консерватизму // Литературная газета. № 46 (667). С. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lgz.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
25. *Цаголов Георгий.* Даже гении предвидят не всё // Литературная газета. № 49 (6670). с. 12-13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lgz.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
26. *Бакунин Михаил.* Коммунизм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/istoch/Bakunin%20M.%20Коммунизм.htm/ (дата обращения: 17.07.2020).
27. *Цветков Г.С.* К. Маркс и В. Ленин в мире. О решении современных социальных проблем в материалах международных конференций и съездов // Наука и образование сегодня. Москва, 2018. № 6 (29). С. 44–50. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.scieseproblems.ru/ (дата обращения: 17.07.2020).
28. *Цветков Г.С.* О моделировании работы современной партии, её партийных организаций и профильных комитетов // Наука, образование и культура. Москва, 2017. № 7 (22). С. 46–53. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scieseproblems.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
29. *Картунова Л.С., Цветков Г.С.* Глобальные изменения климата Земли: потепление или похолодание? // Наука, образование и культура. Москва, 2019. № 2 (36). С. 53–63. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scieseproblems.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).
30. *Картунова Л.С.* Психическое здоровье людей и геофизические процессы Земли // Достижения науки и образования. Москва, 2019. №М11 (52). С. 72–83. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scieseproblems.ru/> (дата обращения: 17.07.2020).